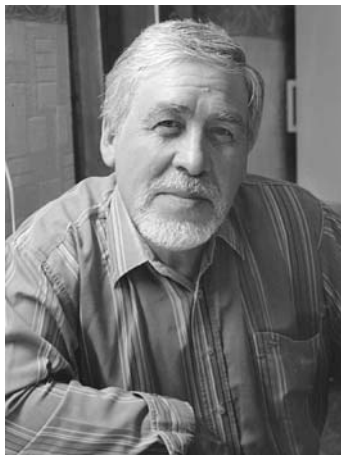

ВЛАДИМИР СКИФ

К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ ЛЮБОВЬ НЕВЫРАЗИМА

СЕНОКОС

И поля, и берёзки кривые,
И листья многошумный прибой —
Это — Родина, это — Россия
С нежным дымом над отчей избой.

Это юность моя. Перелески.
Поцелуи, ночёвки в стогу.
И высокие звёзды-подвески,
А наутро — косьба на лугу.

За широким отцовским плечем
Мы шагали среди купырей.
Длилась долгая, жаркая сеча,
В битве падал осот и пырей.

СКИФ Владимир Петрович (Смирнов) родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил в морской авиации, окончил Иркутский госуниверситет. Автор книг “Журавлиная азбука”, “Живу печалью и надеждой”, “Копьё Пересвета”, “Над русским перепутьем”, “Золотая пора листопада”, “Письма современника”, “Русский крест” и др. Член СП России. Лауреат Всероссийской литературной премии им. П. П. Ершова. Председатель Иркутского регионального отделения СП России.

Обыгала трава, подсыхала,
Солнце правило сосен кору.
Мы обедали, даль полыхала,
Сёстры сено гребли ввечеру.

Мы с отцом в небо сено метали,
Над навильником — вился цветок,
И былинки, и травы шептали,
Превращаясь в ликующий стог.

* * *

Та жизнь, что была — утекла из сознания.
Забыл я летучих коней на лугу,
Деревьев и трав золотые названья
И клинопись птичьих следов на снегу.

Земля поросла трын-травой и дурманом,
В деревне крест-накрест забито окно,
И небо сверкает гранёным стаканом,
Упёршись в российское твёрдое дно.

* * *

И вкривь, и вкось стоят заборы
На чахлой родине моей.
Молчат тележные рессоры,
Торчат седины ковылей.

Не вижу золотого хлеба,
Что убирали в сентябре...
Лишь конопля растёт до неба
В пустом, заброшенном дворе.

* * *

К родной земле любовь невыразима,
Когда царит осенняя печаль.
Моя душа, заботами теснима,
Уносится в неведомую даль.

Она свои распахивает крылья,
Летит среди небесной синевы
И обретает новые усилья
В очарованье света и листвы.

Её поля и рощи привечают,
Никто не бьёт наотмашь и под дых.
Как мягкий хлопок, стебли иван-чая
Сулят ей отдых в кущах золотых.

АЛТАЙСКАЯ ОСЕНЬ

Стучит Алтая каменное сердце,
Звенит щемящей болью тишина.
Кричит журавль на небосводе сером,
Зовёт из тёмных далей Шукшина.

Янтарным светом осеняет осень
Пространство мира и провалы сна.
У неба осень пониманья просит
И возвращенья в Сростки — Шукшина.

Но в спящих Сростках
чёрный ветер дует,
С горы Пикет срывается луна.
В родном краю на берегах Катуня
Шальные ветры ищут Шукшина.

Идут дожди в краю необозримом,
Печаль застыла посреди окна...
В лесу горит калина нестерпимо
Над берегом, где нету Шукшина.

МАРИЯ

В Царствие Божие дверь открыли...
Слушайте, слушайте — в тихом раю
Ангел поёт, или “Ave Maria”
Слышится в горестном нашем краю.

Мечутся листья и ветки сырые,
В небе плывёт облаков караван.
Может, и вправду — услышит Мария,
Как безутешно рыдает орган.

Богу угодно, чтоб мы сотворили
Нашу молитву во имя её.
Шлёт нам с библейского неба Мария
Вместе с прощаньем — прощенье своё.

Все, кто ушёл — остаются живые,
Все, кто живой — помнят долю свою.
С сердцем сливается “Ave Maria”
И на земле, и у Бога в раю.

ТАНЦЫ ЖУРАВЛЕЙ

Весенним днём среди полей,
Где снега серые останки,
Я видел танцы журавлей,
Неподражаемые танцы.

Вот сходятся они вдвоём,
Крылами взмахивают нежно,
Пылают солнечным огнём,
Курлычат в танце безмятежно.

Они спустились с облаков,
Они расстались с жарким югом
И вот на родине снегов
Навек сливаются друг с другом.

Они друг другу говорят:
“Ты любишь?” — “Да!” —
и долго, страстно
Вершат свой танец, как обряд
Любовных игр
в краю ненастном.

А север тих. И от земли
Исходит ток не лучшей доли.
Но как танцуют журавли
Любовный танец
в русском поле!

